

Выделяясь из тысяч ярких точек, оно просто притягивает взгляд и кажется первым среди равных. Где-то там, далеко, Земля. Я не помню ее. Пытаюсь вспомнить, но тщетно. Леса, моря, горы для меня лишь картинки с экрана. Яркие, трехмерные, потрясающе детализированные, но — картинки. Мне очень печально из-за этого. Вся моя жизнь, вся моя память — это астероид и станция ДКС.

Мой астероид невелик, его можно обойти меньше чем за земные сутки. Невелика и сила его притяжения. Идти нужно осторожно, без резких движений, иначе можно взлететь над поверхностью и повредить себе что-нибудь при падении. Когда-то давно от скуки я рассчитал первую и вторую космическую скорости для астероида. По счастью, я не могу случайно оттолкнуться от него и улететь в черную пустоту космоса. Я продолжаю оставаться пленником астероида, но это все же лучше, чем отправиться в свободный полет по облаку Оорта.

У меня было очень много времени для расчетов и размышлений. Раньше я думал о том, как переделать спасательную капсулу станции в космический корабль. Увы, создать двигатель для прыжка через сверхпространство оказалось мне не под силу. Без него полет к Земле займет двадцать лет вместо одного дня. В принципе, это тоже было бы неплохим вариантом. К сожалению, припасов и резервов мне хватило бы лишь на десять лет.

Когда я смотрю вверх, на звезды, во мне пробуждается что-то странное. Я не могу назвать, что это. Нетрудно заметить, что я предельно логичен. Может быть, именно поэтому я сохранил свой рассудок в условиях столь странного одиночества. Когда же я люблю звезды, в моей душе рождается нечто нелогичное и непонятное. И из-за этого я чувствую себя живым.

Так происходит и сейчас, стоило мне выйти наружу. Станция, работа на ней, долг — все это словно отодвигается на дальний план, освобождая место каким-то тонким эмоциям, которые меня влекут и которые я боюсь ощущать. Они кажутся мне настолько хрупкими, что малейшее прикосновение грозит разрушить их навсегда.

Я неторопливо иду по астероиду. Конечно, у меня есть небольшой вездеход для поездок к дальним антеннам на противоположной стороне, но сейчас нет нужды торопиться. Я упоминал, что у меня много времени. Вход на станцию уже скрылся за горизонтом: сказалась большая кривизна поверхности. Мой астероид не совсем шарообразный. Вернее, совсем не шарообразный. По форме он напоминает бесформенную бугристую картофелину.

Я иду по давно протоптанному маршруту. В свете фонаря отпечатки моих подошв на реголите сложились в длинную линию, уходящую вдаль. Здесь нет ветра и воды, поэтому мои следы останутся на миллионы лет. Практически вся поверхность астероида возле станции покрыта ими. На удалении от базы следов меньше — за годы они постепенно сложились в тропки и тропинки. Ну а отпечатки шин вездехода образовали целые дороги от одной антенны к другой. Пожалуй, если бы я был бессмертным, за века покрыл бы следами своих ног весь астероид.

Вот от тропинки, по которой я шел, отделилась цепочка следов. Здесь год назад, движимый любопытством, я свернул в сторону, заметив небольшой, около метра в диаметре, кратер от недавно упавшего метеорита. Я отчетливо помнил, что раньше его здесь не было, поэтому отклонился от пути, чтобы посмотреть. Вообще, ударные метеоритные кратеры всех размеров — не редкость на

астероиде. Другое дело, что не каждый день удается стать свидетелем их появления. Это был ровный новый кратер, появившийся за те четыре дня, пока я не ходил по этой тропе.

С тех пор я больше не интересовался им. Сегодня мною овладело необычное настроение. Я остановился и задумался на несколько секунд. Почему-то захотелось снова подойти к нему и взглянуть на «старого знакомого». Это было странное желание, не продиктованное логической необходимостью. Как я уже говорил, это для меня нехарактерно. Помедлив, я свернул с тропы. Я почему-то старался не наступать на свои старые следы. Сделав два десятка шагов, я приблизился к кратеру. За прошедший год он нисколько не изменился: ровный и аккуратный, все той же небольшой глубины — если бы я спустился в него, он скрыл бы меня лишь наполовину.

Хорошо, что неизвестный метеорит год назад не попал в антенну. Неподалеку, на расстоянии менее пяти сотен метров, располагалась антенна № 4. Мне даже не нужно было поворачивать голову, чтобы увидеть ее, — я и так знал, что она там находится.

Я стоял на краю кратера с безукоризненно ровными стенками, и мне казалось, что рифленые и четкие, словно вырубленные в камне, следы моих подошв вносят дисгармонию в этот космический мир. Внезапно подумалось, что по космическим меркам этот кратер — мой ровесник. Разница заключалась лишь в том, что он может прожить миллиарды лет, а я, скорее всего, нет. С другой стороны, я мог пройти по нему, и мои следы навечно перечеркнули бы его ровные склоны. Подобный поступок, неизвестно почему, представился мне грубым и ужасным.

Я поднял голову и посмотрел вверх. Звезды светили мне холодным и возвышенным светом, а я, в свою очередь, посылал им свет своего небольшого фонаря. В этом, как мне показалось, таился какой-то внутренний смысл. Я чувствовал его, но не мог понять.

Развернувшись, я вышел на тропинку. До цели моего пути оставалось совсем немного. Поднявшись в горку и повернув, я оказался на гребне самого крупного кратера астероида. Здесь находился большой угловатый камень, очертаниями напоминавший вытянутую скамью без спинки. Я не знал, из какой горной породы он состоит и как он оказался здесь. Этот камень я обнаружил восемь лет назад, во время одного из своих пеших путешествий. Тогда мне нравилось ходить по астероиду. Я специально выбирал новые пути, не совпадающие с уже существующими цепочками следов. Любоваться звездами я начал позднее, года три назад.

Я осторожно лег навзничь на поверхность «скамьи». Наверное, камень был очень холодным. На секунду мне показалось, что я чувствую его холод и шероховатость даже через защитный скафандр. Разумеется, это была всего лишь иллюзия. Я выключил фонарь. Любоваться звездами лучше всего без фонаря.

Я лежал на каменной скамье. Огромный астероидный кратер уходил вдаль, теряясь в темноте. Надо мной раскинулся огромный, бесконечный небосвод, усеянный бесчисленным количеством звезд. Я знал, что на Земле они мерцают. Здесь же, в безвоздушном пространстве, их свет был неизменен. Надо мной были тысячи звезд. Их свет, преодолев миллиарды километров, достигал меня, крошечную мыслящую пылинку, затерянную в бескрайнем пространстве космоса.

ФАНТАСТИКА

века, уходит в космос. Забавно, что в качестве носителя для забытой азбуки Морзе я использую прерывание хода многих петабайт информации. Я повторяю этот сигнал еще несколько раз. На большее уже не хватает решимости. Возвращаю тумблеры в обратное положение и, не отсоединив прерыватель, закрываю крышку.

Я сделал то, что недопустимо для меня. Своими руками я вмешался в работу станции. Что же будет теперь?

Лестница наверх. Почему-то я не хочу пользоваться лифтом. Шлюз, поверхность астероида и — звездное небо надо мною. Я поднимаю взгляд к звездам, словно хочу уловить взглядом свой сигнал, уносящийся вдаль. Разумеется, это невозможно. И все же я опять вглядываюсь в холодный и величественный свет звезд. На горизонте яркой точкой вновь появляется Солнце. Жребий брошен.

...Наверное, прошло около суток. За это время случилось столько нового, что я растерян и очень испуган.

Я уже не на астероиде — сейчас я в комнате, опутанный всевозможными датчиками и приборами. Наверное, это планета Земля. Четыре человека в медицинской форме внимательно смотрят на меня.

— Как вас зовут? — спрашивает один из них дружелюбным тоном.

Я не помню. Почему-то мне стыдно в этом признаться.
— Сколько вам лет?

Сколько мне лет? Я могу вспомнить лишь последние пятнадцать. До этого все словно в тумане.

— Кто вы?

Кто я? Я — часть станции Дальней космической связи. Кто я без нее? Что мне теперь делать? Я не знаю. Мне страшно.

***

Экстренное заседание Земной академии наук было собрано в кратчайшие сроки. Председатель, поприветствовав коллег, перешел сразу к сути дела.

— В эти дни, — обратился он к залу заседания, — человечество встретилось с уникальным, небывалым явлением. Как вы уже знаете, робот андроидного типа А-Эр-девятисто один стал обладателем полноценного интеллекта. Его развитие произошло в течение двадцати лет работы на станции Дальней космической связи. Доселе подобное казалось невозможным. Все попытки создать искусственный интеллект, равный человеческому, были безуспешными. И вот это свершилось. Можно сказать, что он создал себя сам.

